

УДК 94(47)''13/15''(045)

*Л.В. Мининкова***«...ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ, ВИДЕВЪ НАШЕСТВИЕ, ...САМЪ ЖЕ ОТЪИДЕ...»: БЕГСТВО
ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ И ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА**

Аннотация. В XIV–XVI вв. московские великие князья и царь Иван Грозный под угрозой со стороны орды бежали из Москвы, оставляя столицу на произвол судьбы. Это приводило к сожжениям Москвы в 1382, 1521 и в 1571 и 1572 гг. Важнейшая причина оставления ими Москвы была связана с недостатком сил для ее защиты. Еще одной причиной, на которую в историографии не обращали внимания, были особенности сознания великих князей и Ивана Грозного, в котором значительное место занимали вотчинные традиции. Они основывались на представлении о формировавшемся государстве как о вотчинной собственности. Сохранение такого представления было очень устойчивым. Оно значительно облегчало для них возможность покинуть свою столицу и бежать от опасности от ханского нападения, спасая себя, но не столицу и ее население.

Ключевые слова: Дмитрий Донской, Иван III, Василий III, Иван Грозный, Тохтамыш, Ахмат, Мохаммед Гирей, Девлет Гирей, бегство великих князей московских и Ивана Грозного из Москвы.

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-3-693-698

Цитата в заголовке, взятая из Латухинской степенной книги [12, с. 453], конкретно относится к ситуации 1521 г., когда при нашествии на Москву орды хана Мухаммед Гирея великий князь московский Василий III покинул столицу и бежал от врага. Имелось несколько подобных случаев в русских землях, в Московском великом княжестве и Московском государстве на протяжении XIV–XVI вв. Причины такого бегства были, прежде всего, связаны с недостатком сил у великого князя для сопротивления, и, по-видимому, его испуг перед натиском на столицу грозного противника. В данном случае имеются в виду случаи бегства Дмитрия Донского, Василия III и Ивана Грозного, а также другой случай, когда Иван III не убежал и остался в связи с нажимом церкви и московского населения в столице при нашествии орды Ахмата в 1480 г.

Вполне вероятно, что эти события нуждаются в дополнительном объяснении, способном обеспечить более полное и глубокое понимание сложного процесса становления государственности и перехода к ней от состояния великокняжеской вотчины. Этот процесс хорошо объяснен в рамках теории вотчинного государства, обосновывающей существование в течение длительного времени в Московском государстве пережитков вотчинной системы как догосударственной формы организации власти и управления. В связи с этим могут быть поставлены вопросы о том, как поступал великий князь, покидая в момент опасности свою столицу, как настоящий государь позднего средневековья и раннего нового времени, или как феодал-вотчинник средневековья.

В формировании системы, при которой в раннее средневековье имело место «раздробление государственной власти», историк западноевропейского абсолютизма Н. И. Кареев считал феодальной и общеевропейской, в соответствии с представлением о феодализме как о совокупности политических и юридических признаков [14, с. 71]. В таких условиях, подчеркивал он, «домохозяйственный интерес у феодальных сеньоров совершенно вытеснил какую бы то ни было государственную идею». В такой системе, писал он, даже «король прежде всего государь-помещик, или вотчинный князь, как и другие сеньоры» [8, с. 40].

Аналогичные явления имели место в русских условиях. Великий князь московский также выступал, прежде всего, как вотчинник. В отношении Ивана Калиты на это указывал В. И. Сергеевич, считавший, вопреки ряду историков, что «Калита – самый решительный проводник взгляда на княжение как на частную собственность князя со всеми его противогосударственными последствиями, а не основатель государственного могущества Москвы» [19, с. 57]. Объяснял это В. И. Сергеевич тем, что Калита «любил свою жену и детей и думал не об устройстве Московского государства, а о безбедном устройстве этих дорогих его сердцу людей». И вообще, он был лишен «качеств государя и политика», но «обладал свойствами доброго семьянина». Несомненно, что общая логика внутреннего развития русских земель шла по пути усиления объединительных тенденций, или, по словам Л. В. Черепнина, «к переходу от политической системы феодальных «полугосударств» к феодальной монархии» [24, с. 391]. Тем не менее, старые вотчинные традиции были исключительно живучи. Не

случайно при этом, как отмечал В. О. Ключевский, даже «Иван III настойчиво заявлял и его преемники повторяли, что вся Русская земля – их отчина» [9, с. 127]. Отсюда сочетание в сознании московских великих князей и царей нового представления о государстве и о себе как о государе и старого представления о вотчине и о себе как о вотчиннике.

Одним из проявлений такого состояния в сознании московских носителей великокняжеской и царской власти было их поведение в период, когда Золотая Орда и ее наследники шли на Москву и создавали угрозу ее захвата, а то и захватывали и сжигали столичный город. На эти события историки обращали внимание, прежде всего, как на факты из истории отношений Москвы с Ордой или с Крымом. Но они имеют значение и как показатель особенности сознания московской власти этого времени, в котором держались вотчинные воззрения и традиции. Одной из таких традиций была неразвитость представлений о государе как о защитнике своей земли.

Такая ситуация в Москве сложилась в 1382 г., при нашествии Тохтамыша. Согласно «Повести о московском взятии от царя Тохтамыша», Дмитрий Донской хотел выступить против орды вместе с другими князьями, но убедился в том, что они ему «не хотяху помогать». Такому «неодначеству и неимоверству» князей он ничего противопоставить не мог. Поэтому он, «не хотя стати противу самого царя», убыл в «свой градъ Переяславль», затем в Ростов, и затем еще дальше, в Кострому [17, с. 43]. Отъезд великого князя Н. М. Карамзин объяснял тем, что он «потерял бодрость духа» [7, стб. 45]. Еще более резко высказывался Н. И. Костомаров. По его словам, Дмитрий «убоялся идти навстречу хану, ..., и, покинув Москву на произвол судьбы, бежал» [10, с. 183].

Некоторые историки видели, однако, объективные причины отъезда Дмитрия Донского из Москвы. С. М. Соловьев полагал, что великий князь убедился в отсутствии у него войска, и «уехал сперва в Переяславль, а потом в Кострому собирать полки» [20, с. 279]. Ту же причину бегства Дмитрия указывал С. Ф. Платонов, и поэтому, когда орда подошла к Москве, он «ушел на север» [15, с. 176]. Аргументы в защиту Дмитрия Донского приводил Ю. Лоциц. Он указывал не только на то, что он, «уразумев бо во князех и в боярех своих и во всех воиньствах своих разньство и распрю, еще и оскудение воиньства». Но, уходя из Москвы, он знал, что «Кремль ... неприступен», и стремился будто бы к сбережению своих людей. Он выжидал. Но «Выжидать – не то же, что скрыться» [13, с. 290]. Другой биограф Дмитрия Донского, Н. С. Борисов, указывал, что он при наступлении Тохтамыша и известном положении с войском «выбрал тактику отхода и выжидания». Однако «всегда найдутся вещи, не поддающиеся учету» [2, с. 398], которые привели к сожжению Москвы.

Л. В. Черепнин обосновывал социальную сторону отъезда Дмитрия Донского. По его словам, великий князь «не рассчитывал на силу движения за организованное сопротивление татарам, начавшееся среди московских горожан», и поэтому «уехал в Кострому за военным подкреплением» [23, с. 634]. Это положение развивал И. П. Ермолаев. Дело было не только в неверии Дмитрия Донского в московский народ, но и «веры большой в своего «сюзерена» московские люди, наверняка, не имеют, ибо иначе непонятно, почему многие москвичи «бежати хотяху, а инии в граде сидети хотяху», почему во главе обороны стал внук Ольгерда князь Остей, почему «горожане стали укреплять стены крепости» [6, с. 160].

В положение И. П. Ермолаева о недоверии москвичей Дмитрию Донскому, и Л. В. Черепнина о недоверии великого князя, в свою очередь, своим москвичам, может быть добавлено и то, что в сознании всего русского общества того времени, включая самого великого князя, не сложилось представления о Московском великом княжестве как о государстве. Полностью господствовало представление о нем как о вотчине великого князя, что облегчало возможность оставить при определенных условиях свою вотчинную собственность, спасая, прежде всего, себя. Отсюда и проявлялось недоверие москвичей к великому князю, сохранившееся даже после совсем недавней победы его на Куликовом поле.

Следующий случай, когда нашествие орды могло привести к бегству великого князя из Москвы, был в 1480 г., когда хан Большой орды Ахмат подошел к Угре. В послании на Угру епископа ростовского Вассиана было выражено большое беспокойство в связи с тем, что великий князь Иван III мог бежать от хана. Стремление не допустить этого составляет основной смысл послания. Характерны при этом некоторые стороны аргументации Вассиана. Он обращался к великому князю: «ты еси пастырь добрый». Такому пастырю противопоставлялся «наемникъ». Добрый пастырь, по словам Вассиана, «душю свою полагаетъ за овьца», а «наемникъ» «видитъ волка грядуща, оставляетъ овьца и бегаетъ». В результате «волкъ расхититъ их и распудит овьца». Еще одним обращением к Ивану III были слова к «государю нашему», или к тому, кто стоит во главе государства. Но вместе с тем в послании сохрани-

лось более традиционное представление о великом князе. Он писал, что при нашествии Ахмата «нам, богомольцем вашего благородия» «по всемъ святымъ церквамъ ... молебны и святую службу во всей вашей отчине о вашей победе совершающимъ», следует ждать «победы над супротивныя те враги» [18, с. 558]. Мысль Вассиана состояла в том, что великий князь московский – государь, власть которого получена свыше, хотя в то же время и вотчинник. Поэтому не случайно он использует такой образ, как «добрый пастырь», который не «оставляет овыца» врагу, то есть свой народ. Но образы пастыря и пасомых им овец – это образы церковные, всякий священник также пастырь, прихожане которого – стадо Христово. Отсюда в послании на Угру содержится мысль о соединении в руках Ивана III государевой и пастырской власти, или своеобразный цезарепапизм. Поэтому великий князь как государь и пастырь не мог бежать так же, как может бежать какой-нибудь «наемникъ».

Е. В. Белякова справедливо отметила, что в ряде сочинений конца XV в. появилась идея великого князя московского как «богоизбранного и богоутвержденного» царя [1, с. 56]. К указанным в ее статье произведениям, где имела такая идея, может быть добавлено послание на Угру, в котором та же идея выражена в своеобразной форме и в связи со своеобразными обстоятельствами. Своеобразие формы в использовании образов пастыря и овец, своеобразие обстоятельств – в фактах нашествия орды и готовности великого князя к бегству.

Опасения Вассиана насчет возможного бегства Ивана III были не случайны. Как отметил современный биограф великого князя Н. С. Борисов, Иван III не мог не иметь в виду примеры Дмитрия Донского и Василия Темного, не защищавшего Москву от царевича Мазовши в 1451 г. и бежавшего за Волгу [2, с. 434]. Отсюда такой решительный тон послания на Угру и яркие исторические и литературные образы доброго пастыря, овец, государя и наемника. Сказались также «вопли обезумевшего народа», который упрекал Ивана III за то, что он «нынеча разгневив царя сам, выхода ему не платив, нас выдаешь царю и татарам» [2, с. 433]. По существу, тем самым народ в этих словах, приведенных Софийской второй летописью, напоминал Ивану III его роль как государя, обязанного защищать свой народ и свою столицу.

Традиционно в отечественной историографии Ивану III отводится особая роль создателя Московского государства и первого московского государя. По наблюдению В. О. Ключевского, «ни из чего не видно, чтобы Иван III понимал отчину как-нибудь иначе, чем его удельные предки» [9, с. 127]. Тем более это относится к последующим государям, его сыну и внуку, Василию III и Ивану IV, не обладавших такой широтой политического мышления, как Иван III. В частности, это проявилось в том, что оба они бежали от крымских ханов, оставляя Москву на произвол противника.

При нашествии Мухаммед Гирея 1521 г. весьма осведомленный современник, барон С. Герберштейн, писал в своем описании Московии, что напуганный Василий III «оставил в крепости (в Москве – Л.М.) с гарнизоном своего зятя Петра, происходившего из татарских царей, и некоторых других «вельмож» и бежал из Москвы», причем «некоторое время прятался [как говорят] под стогом сена» [4, с. 415]. Несомненным фактом из этого сообщения является бегство великого князя в Волоколамск, как и его страх. Что касается стога сена, то А. И. Филюшкин справедливо заметил, что это произошло с Василием III, но только «Если верить Герберштейну» [21, с. 264]. Но и сам барон тоже не был уверен в этом, и ссылаясь на то, что «говорят». Но уже сами по себе разговоры на подобную тему свидетельствуют о том, что такое поведение великого князя в обществе допускалось как возможное и даже вероятное. И если Иван III проявил себя во время событий на Угре как государь, то Василий III оказался в эпизоде нашествия Мухаммед Гирея лишенным качеств, необходимых для государя, и выступил только лишь в роли вотчинника.

Во время нашествия Девлет Гирея в 1571 и 1572 гг. убежал от врага уже Иван Грозный. Б. Н. Флоря приводит цитату из Никоновской летописи о бегстве 1571 г., где был описан маршрут бегства. От Серпухова царь с опричниками прошел Коломенский уезд, затем шел через слободу (Александрову слободу – Л. М.), «а к Москве не пошел», из слободы пошел в Ярославль. И когда дошел до Ростова, «и тут пришла весть, что Крымский хан пошел прочь». Историк отметил «удивление» автора летописи, что «царь не поехал в Москву, чтобы готовить столицу к обороне, но отъехал на север и увел за собой значительную часть опричного войска» [22, с. 264]. Враг царя, князь А. М. Курбский, указал в своей «Истории о великом князе московском» на различие между тем, как приближенные восхваляют царя, как «велика, непобедима и храбра». А на самом деле поведение Ивана Грозного при нашествии крымской орды Девлет Гирея доказало, что он ни кто иной, как «Бегун пред врагом и хороняка ... пред бусурманским волком». Результатом обращения Курбского к ца-

рю было то, что «самое отечество твое превеликое место многонародное град Москву во вселенной славный сожжен и потреблен со безчисленными народы христианскими внезапно!» [11, с. 128]

Что же касается конкретных событий бегства Грозного царя в мае 1571 г., то, как отмечал В. В. Пенской, в источниках они описаны «сбивчиво и противоречиво». Во всяком случае, ситуация сложилась так, что грозил разгром «серпуховской группы» русских войск, причем «царь и его старший сын и наследник вполне могли попасть в плен к неприятелю со всеми вытекающими отсюда последствиями для государства» [15, с. 183]. О страхе царя было известно и осталось в памяти современников. Когда Д. Горсей писал, что Иван Грозный вообще бежал к Вологде, «где он считал себя в безопасности, находясь в 500 милях от врага» [5, с. 57]. Сведения эти Горсей мог узнать только во время пребывания в Москве. Царь бежал и во время второго нашествия Девлет Гирея в 1572 г., в недавно разгромленный им с опричниками Новгород. По мнению В. В. Пенского, для русского войска это имело положительное последствие, поскольку тем самым он «развязал руки» воеводе князю И. М. Воротынскому, «предоставив ему возможность действовать самостоятельно» [15, с. 199] и разбить орду в сражении при Молодах. На положительные для государства последствия бегства Ивана Грозного также указывает Д. М. Володихин. По его мнению, в «ситуации» нашествия Девлет Гирея Ивану Грозному «вне зависимости от того, испытывал ли он необоримый ужас, или был способен преодолеть его, не следовало рисковать жизнью. Его гибель могла ввергнуть Московское государство в еще горшие неприятности». С этим можно согласиться. Однако Д. М. Володихин сомневается в том, что «стоило ли значительную часть» опричного войска царю забирать с собой и «оголять оборону Москвы, и без того скудную?» Отсюда общий вывод: «Бегство царя в обстоятельствах 1571 года логично и понятно. Но бегство войска и непонятно, и, нелогично». При этом Д. М. Володихин правомерно задает вопрос: «Или же сами опричники не очень-то соглашались вернуться и дать бой крымскому хану?». Но справедливо указывает, что на этот вопрос «нет здравых и точных ответов» [3, с. 109].

Конечно, в условиях 1571 г. положительные и негативные последствия бегства царя тесно переплетались между собой. Но, как представляется, увод опричников из-под Москвы был для царя вполне органичен. В сознании Ивана Грозного жизнь его представляла первостепенную ценность. Тогда как столичный город и, следовательно, состояние государства было для него ценностью менее значимой. Поэтому он увел опричников для усиления своей охраны, и вообще, в соответствии с главной целью создания опричного корпуса, который должен был, прежде всего, защищать царя. Сам по себе этот факт свидетельствует и о его испуге, и указывает на возможность нежелания опричников выступать против грозных крымских сил. В сознании Ивана Грозного, таким образом, государь отступал перед вотчинником, готовым жертвовать своей вотчиной ради спасения.

Таким образом, на протяжении XIV–XVI вв. имело место несколько случаев бегства великих князей московских и царя Ивана Грозного из Москвы в условиях военной опасности со стороны Орды, свою столицу они бросали на произвол судьбы. Поэтому столицу трижды сжигали, в 1382, 1521 и в 1571 гг. Под давлением общества и церкви Москву не решился бросить в 1480 г. Иван III. Во всех случаях причиной был недостаток сил, за исключением 1480 г. Кроме того, в качестве одной из причин была незавершенность процесса формирования Московского государства даже во второй половине XVI в. Проявилось это в особенности сознания великих князей и царей, в котором были сильны вотчинные традиции, взгляд на государство как на вотчинную собственность, когда вотчинник не имеет обязанностей перед своими людьми, в отличие от государя. Отсюда в момент опасности Дмитрий Донской, Василий III и Иван IV допускали возможность бросить свою столицу в случае опасности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Белякова Е.В.* Русский епископат во второй половине XV в. и формирование новой идеологии // Великое стояние на Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты. Калуга: Изд-во Захаров С.И. («СерНа»), 2017. С. 49–64.
2. *Борисов Н.С.* Дмитрий Донской. М.: Молодая гвардия, 2014. 644[12] с.: ил.
3. *Володихин Д.М.* Иван IV Грозный. М.: Вече, 2010. 320 с.: ил.
4. *Герберштейн С.* Записки о Московии. В 2 т. М.: Памятники исторической мысли, 2008. Т. 1. 776 с., ил.
5. *Горсей Д.* Записки о России. XVI – начало XVII в. М.: St. Moskau University Press Изд-во МГУ, 1990. 288 с.
6. *Ермолаев И.П.* Становление российского самодержавия. Истоки и условия его формирования: взгляд на проблему. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2004. 392 с.
7. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М.: Книга, 1989. Кн. 2, т. 5. 242 стб.
8. *Кареев Н.И.* Западноевропейская абсолютная монархия XVI–XVII веков. М.: Изд-во ГПИБ, 2009. 463 с.

9. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 2 // Ключевский В.О. Соч.: в 8 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 2. 488 с.
10. *Костомаров Н.И.* Великий князь Дмитрий Иванович Донской // Костомаров Н.И. Русская история в жизне-описаниях ее главнейших деятелей. В 2 кн. М.: СВАРОГ, 1995. Кн. 1. С. 167–190.
11. *Курбский А.* История о делах великого князя московского. М.: Наука, 2015. 944 с., ил.
12. Латухинская степенная книга. 1676 год. М.: ЯСК, 2012. 880 с.
13. *Лоциц Ю.М.* Дмитрий Донской, князь благоверный. М.: Молодая гвардия, 2010. 326[10] с.: ил.
14. *Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в Древней Руси // Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М.: Наука, 1988. 696 с.
15. *Пенской В.В.* Иван Грозный и Девлет Гирей. М.: Вече, 2012. 320 с.: ил.
16. *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М.: Высшая школа, 1993. 736 с.
17. Полное собрание русских летописей. Т. 8: Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб.: в тип. Э. Праца, 1859. Т. 8. VIII, 302 с.
18. Полное собрание русских летописей. Т. 21, ч. 2: Книга Степенная царского родословия. СПб.: тип. Главного управления уделов, 1913. С. 343–707.
19. *Сергеевич В.И.* Древности русского права. СПб., 1909. Т. 1. XV, 688 с.
20. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 3–4 // Соловьев С.М. Соч.: в 18 кн. М.: Мысль, 1988. Кн. 2. 765 с.
21. *Филлюшкин А.И.* Василий III. М.: Молодая гвардия, 2010. 346[6] с.: ил.
22. *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. М.: Молодая гвардия, 1999. 403[13] с.: ил.
23. *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М.: Соцэкгиз, 1960. 899 с.
24. *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. В 2 ч. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Ч. 2. 428 с.

Поступило в редакцию 14.11.2023

Мининкова Людмила Владимировна, доктор исторических наук, профессор
кафедры отечественной истории Средних веков и Нового времени
Института истории и международных отношений Южного федерального университета
ФГБОУ ВО «Южный федеральный университет»
344008, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая 105/42
E-mail: lvmininkova@sfedu.ru

L.V. Mininkova

«... THE GRAND PRINCE, SEEING THE INVASION, ... DEPARTED HIMSELF»:

THE FLEE OF THE GRAND PRINCE AND THE PROCESS OF FORMATION OF THE MOSCOW STATE

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-3-693-698

In the 14th–16th centuries, the Moscow Grand Princes and Tsar Ivan the Terrible fled Moscow under threat from the horde, leaving the capital to its fate. This led to the burnings of Moscow in 1382, 1521, 1571 and 1572. The most important reason for their abandonment of Moscow was due to the lack of forces to protect it. Another reason that was ignored in historiography was the peculiarities of consciousness of Grand Princes and Ivan the Terrible in which patrimonial traditions occupied a significant place. They were based on the idea of the emerging state as a patrimonial property. The preservation of such a view was very stable. It made it much easier for them to leave their capital and flee from the danger of Khan's attack, saving themselves, but not the capital and its population.

Keywords: Dmitry Donskoy, Ivan III, Vasily III, Ivan the Terrible, Tokhtamysh, Akhmat, Mohammed Girei, Devlet Girei, flee of the Grand Princes of Moscow and Ivan the Terrible from Moscow.

REFERENCES

1. *Beliakova E.V.* Russky episkopat vo vtoroi polovine XV v. i formirovanie novoi ideologii [The Russian Episcopate in the second half of the XV century and the formation of a new ideology]. Velikoe stoianie na Ugre i formirovanie Rossiiskogo centralisovannogo gosudarstva [The Grate Stand on the Ugra and the formation on the Russian Centralized state: local and global contexts]. Kaluga, Zaharov («SerNa») Publ., 2017, pp. 49–64. (In Russian).
2. *Borisov N.S.* Dmitry Donskoi. Moscow, Molodaia gvardia Publ., 2014. 644[12] p.: ill. (In Russian).
3. *Volodihin C.M.* Ivan IV Grosny [Ivan IV the Terrible]. M Moscow, Vechе Publ., 2010, 320 p.: ill. (In Russian).

4. *Gerberstein S.* Zapiski o Moskovii [Notes about Moscow], v 2 t. Moscow, Pamiatniki istorocheskoi mysli, 2008, vol. 1, 776 p.: ill. (In Russian).
5. *Gorsei D.* Zapiski o Rossii. XVI – nachalo XVII v. [Notes about Russia. XVI – beg. of the XVII cen]. Moscow, Moscow University Press, 1990. 288 p. (In Russian).
6. *Ermolaev I.P.* Stanovlenie rossiiskogo samodershavia. Istoki i uslovia ego formirovaniya: vzgliad na problem [The formation of the Russian autocracy. The origins and conditions of its formation: a look at the problem]. Kazan, Kazan University Press, 2004. 392 p. (In Russian).
7. *Karamzin N.M.* Istorija gosudarstva Rossiiskogo [History of the Russian State]. Moscow, Kniga Publ., 1989, vol. 5, 242 p. (In Russian).
8. *Kareev N.I.* Zapadnoevropeiskaia absolutnaia monarhia XVI–XVII vekov [Western European absolute monarchy of the XVI–XVII centuries]. Moscow, GPIB Publ., 2009. 463 p.
9. *Kluhevsky V.O.* Kurs russkoi istorii [Russian History Course], ch. 2. Kluchevsky V.O. Soch. v 8 t. [Essays in 8 vol.]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1957, vol. 2. 488 p. (In Russian).
10. *Kostomarov N.I.* Veliky kniaz Dmitrii Ivanovich Donskoi [The Grand Duke Dmitrii Ivanovich Donskoi]. Kostomarov N.I. Russkaia istoria v shizneopisaniakh ee glavneishih deiatelei [Russian History in the biographies of its most important figures.], v 2 kn. Moscow, SVAROG Publ., 1995, pp. 167–190. (In Russian).
11. *Kurbzky A.* Istorija o delakh velikogo kniazia moskovskogo [The story of the affairs of the Grand Duke of Moscow]. Moscow, Nauka Publ., 2015. 944 p.: il.
12. Latuhinskaia stepennaia kniga [Latuckinskaya Power book]. MOSCOW, IaSK Publ., 2012. 880 p. (In Russian).
13. *Loshic Ju.M.* Dmitry Donskoi, kniaz blagovernny [Dmitry Donskoi, Prince the faithful]. Moscow, Molodaia gvardia Publ., 2010. 326[10] p.: ill. (In Russian).
14. Pavlov-Silvansky N.P. Feodalizm v drevnei Rusi [Feodalizm in Ancient Russia]. Pavlov-Silvansky N.P. Feodalizm v Rossii [Feudalism in Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 696 p. (In Russian).
15. *Penskoi V.V.* Ivan Grozny i Devlet Gire [Ivan the Terrible and Devlet Girei]. Moscow, Veche Publ., 2012. 320 p.: ill. (In Russian).
16. *Platonov S.F.* Lekcii po russkoi istorii [Lectures on Russian history]. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1993. 736 p. (In Russian).
17. Polnoye sobraniye russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 8. Continuation of the Resurrection List Chronicle [The chronicle of the Resurrection list]. St. Petersburg, Tip. Eduarda Praca Publ., 1856, 362 p. VIII, 302 p. (In Russian).
18. Polnoye sobraniye russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 21. Kniga Stepennaya carskogo rodosloviya. 1-ya polovina [The Book of Degrees of the Royal Genealogy]. St. Petersburg: Tip. tip. Glavnogo upravleniya udelov Publ., 1913, pp. 343–707. (In Russian).
19. *Sergeevich V.I.* Drevnosti russkogo prava [Antiquities of Russian Law]. 1909, vol. 1, XV, 688 p. (In Russian).
20. *Soloviov S.M.* Istorija Rossii s drevneishih vremen [The History of Russia since ancient times], vol. 2. Soloviov S.M. Sochineniya v 18 knigakh [Essays in 18 books]. Moscow, Mysl Publ., 1988, vol. 2. 765 p. (In Russian).
21. *Filushkin A.I.* Vasily III. Moscow, Molodaia gvardia Publ., 2010. 346[6] h.: ill. (In Russian).
22. *Floria B.N.* Ivan Grozny [Ivan the Terrible]. Moscow, Molodaia gvardia Publ., 1999. 403 [13] p.: ill. (In Russian).
23. *Cherepnin L.V.* Obrazovanie Russkogo centralizovannogo gosudarstva v XIV–XV vekah [Formation of the Russian centralized state in XIV–XV centuries]. Moscow, Sozvezgiz Publ., 1960, 899 p. (In Russian).
24. *Cherepnin L.V.* Russkie feodalnye arhivy XIV–XV vekov [Russian feudal archives of the XIV–XV centuries]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1951, vol. 2, 428 p. (In Russian).

Received 14.11.2023

Mininkova L.V., Doctor of History, Professor of the Department of National History of the Middle Ages and Modern Times of the Institute of History and International Relations
Southern Federal University
Bolshaia Sadovaya st., 105/42, Rostov-on-Don, Russia, 344008
E-mail: lvmininkova@sfnu.ru